

Непонятная чувственность как основание кризиса современного общества

Хоробрых О.С.

Через любовь каждый из нас ощущает себя человеком, имеющим чувства, эмоции. У нас появляется особый класс субъективных психологических состояний и поэтому наше отношение к самим себе и к окружающим людям, миру меняется. Не являются ли эти переживания на сегодняшний день единственным подтверждением того, что человек действительно чувственное существо.

Современный человек так мало понимает о своей чувственной жизни, он знает о чем угодно, только не о том, что ему говорят его чувства, он не знает своего внутреннего мира. А внутренний мир таит в себе все желания человека, а, следовательно, там скрывается и его сущность. Чувства, лишь только они, способны рассказать человеку о мире и о самом себе. «Чувства суть окна» - так красноречиво говорит об это Г. Буркхардт. Это человек. [Антология. // Буркхардт Г. Непонятная чувственность. М. 1995. С. 125].

В погоне за материальными ценностями, властью, знаниями человек трансформируется и превращается в сугубо «социально-городской механизм», и индивидуальные эмоции, желания он подстраивает под общественную систему ценностей. А свои чувства, своя собственная жизнь попадают под категорию «непонятного». Поэтому мы рассмотрим те работы, в которых есть упоминание о кризисе в чувственном мире человека. Возьмем, к примеру, взгляды нескольких наших современников: Г. Буркхардта и К. Лоренца, дающих общее представление о современном характере взаимоотношений между людьми. Мы немного отвлечемся от чувственной философии Л. Фейербаха, так как в современной философской традиции смысл чувств необходимо пересмотреть.

Если начинать с того, что обратиться к естествознанию, то научная картина мира будет построена таким образом, что в ней не находится место чувственности. Чувства же попадают здесь в поле зрения лишь, как средства получения информации, так как единственно важным становится само «знание».

В естественнонаучной сфере никто не уделяет такого внимания миру чувств, как Л. Фейербах в своих работах. Таким образом, создается половинчатая, разорванная картинка мира, где человек теряет свою целостность.

Следовательно, отворачиваясь от чувственности, системное мышление превращается в идола. И человек в современном понимании - это, прежде всего, разумное, мыслящее, рациональное существо, а потом уже коммуникабельное и эротическое.

Разговор об эротичности человека трансформируется в беседы о нравственности. Нравственные направляющие в общественной жизни полностью подавили чувственную основу человека. Таким образом, можно говорить о потере в человеке человечности, так как человек уже не знает своих желаний, страстей, чувств, не знает любви, а, следовательно, люди перестают общаться, перестают интересоваться общественной и личной жизнью, они просто утрачивают смысл бытия. Но человек - это существо чувственное и в «приключение человеческого бытия есть в своей основе чувственное приключение», по мнению Г. Буркхардта [Там же. С. 126].

Каково место «чувственности» в жизни современного человека?

Наука превратила наши чувства лишь в инструменты для выполнения специфических задач, они инструменты, служащие информации; при этом, обычно, имеется в виду пять основных чувств. Однако наука ничего не говорит нам о том, что значит наши чувства, если их рассматривать совсем с иной стороны. Зрение, слух, осязание, обоняние, вкус - это способы коммуникации индивида с миром, а информация, которая поставляется в мозг есть побочный эффект этого общения.

Вся информация является вариацией одной и той же темы, а именно темы чувственного соприкосновения «Я» и «Мира». Чувства интерпретируют Мир. Ситуации «пребывания вне мира» не может быть. Поэтому четкое деление на внутренний и внешний миры ведет к

довольно абсурдному представлению о человеке. Такие заблуждения имеют различные источники. Так как наука привыкла, что организм человека в начале своего становления оторван от мира, лишь позднее он вступает в отношения с окружающей средой. Но Буркхардт считает по-иному, ведь на самом деле, чем моложе организм, тем меньше он изолирован, с возрастом его изолированность возрастает. В течение всего периода жизни человек не раскрывает себя миру, а скорее, наоборот, он превращается в непроницаемую систему, хотя все, что живет в мире, находится в непрерывном взаимодействии.

Человек забывает, что понятия «внутри» и «вовне» есть лишь вспомогательная конструкция, так как в каждой культурной среде эти понятия несут разные смысловые нагрузки. Чувства способствуют тому, что именно они показывают на то, как, не находясь ни внутри, ни снаружи, можно быть одновременно и внутри, и снаружи. Человек строит и мыслит Мир на основе особого, весьма одностороннего способа использования чувственной информации получаемой, прежде всего, от сочетания зрительного восприятия с хватательным движением рук. Но другая, то есть коммуникативная сторона чувственной жизни здесь не реализуется, так как чувственность иного плана исключается. Человек через систему естествознания углубляется лишь в одну вторую человеческого мира и забывает о чувственной действительности, которая не должна стоять по отношению к обыденной жизни человека в репрессивной позиции.

Наверно, уже не следует напоминать, что Л. Фейербах говорит о том же самом, так как природное, чувственное начало в человеке должно не унижаться, не скрываться, а быть в равновесии с его социальной основой. На сегодняшний день чувственный человек до сих пор находится в тисках рационального мышления, несмотря на мнимую свободу в коммуникабельности и эротичности.

Материализм и позитивизм навязали свою точку зрения человеку, который стал употреблять и руководствоваться их идеями уже в обыденном, повседневном мире. Что было важно лишь для науки, стало важно и для действительности. Но так не должно быть, так как критерий ложного и истинного может быть установлен только в науке. А то, что говорят чувства, определению не поддается. Наука относит чувственность к тому, что угрожает хаосом, она мешает представлениям о «человеческом достоинстве» и усилиям создать порядок в духовной жизни при помощи схемы и статистики, так как все, что находится вне системного упорядочения, является враждебным, «чужим». Люди перестали чувствовать сердцем, душой, они чувствуют посредством схем, стереотипов, правил. Человек теряет чувствительность, которая ему дана от природы, следовательно, он теряет свою часть и часть свободы. «То, что составляет понятие свободы, является в своей основе - вопреки принятым представлениям, - прежде всего чувственным феноменом» [Там же. С. 132].

Рациональное мышление есть вера в систему, как бы безупречную, а это значит, что человек отказывается от индивидуальности и принимает обобщенность, верит во власть, силу, организацию, в которой он является лишь несовершенной частью. А где подавляется индивид, там подавляется «чувственное» в человеке. Конечно, современный человек не мыслит своей жизни без различных организаций, однако, в то же время следует знать, что ни одна мечта не реализуется через них. В общественных системах людей учат постепенно, спланировано постигать себя и строить свою жизнь. Так человек подключается к огромному механизму, чувствует силу и мощь этой системы и начинает верить в свою «мнимую» личную зависимость, верит в деформированную картину мира, и эта вера в систему деформирует его чувственную жизнь.

Чувственная жизнь оказалась разрезанной пополам: одна ее часть принадлежит к области нравственного и эстетического, то есть к области «возвышенного», а другая - область «инстинктов» - превратилась в сферу, где нет места «разумному» человеку. Но эстетическая открытость формам, краскам мира и чувственная открытость человека к человеку суть единого понятия, то есть все это только лишь чувственное отношение к

действительности. И если это будет пониматься, тогда люди начнут осознавать, что нет четких границ между двумя этими половинами.

Благоговение, по мнению Буркхардта, - именно это слово может обозначать потерянное связующее звено между чувственностью и нравственностью. Это звено несет в себе то, что мы называем сексуальностью. Но эта часть чувственного презирается конструктивным мышлением, хотя этот феномен совершенно очевидно принадлежит к чувственной жизни человека. Презрение появляется от того, что происходит смещение и замещение эротического волнения на механизированную страсть. И человек заменяет смысл «чувственной» жизни на культ пилюль, механического секса, где партнер превращается в орудие, в средство достижения иллюзорных целей. Западный образ мышления, противопоставляющий принципу удовольствия принцип производительности, способствует именно разрушению чувственного смысла жизни. Получение удовольствия, то есть только положительные эмоции и чувства, превратились в самоцель, а такую картину мира навязывают человеку средства массовой информации, в особенности реклама. Тем самым, нам навязывается альтернатива - необходимость выбора между принятием эгоизма или его радикальным отрицанием, но эгоизм преподносится как естественная данность человека.

Для Л. Фейербаха эгоизм («разумный эгоизм») является нормой в общественной жизни, но понимается он по-иному. Конечно, человек всегда стремится, прежде всего, к индивидуальному счастью, для осуществления этого не обойтись без партнерских отношений, следовательно, необходимо учитывать и интересы, желания, эмоции, чувства ближнего. Твой эгоизм будет всегда уравниваться заботой о любимом. Чувственное отношение к миру – это значит не изолированность, а партнерство и потребность в другом человеке.

Жизнь открывается двоим, с чем согласен Г. Буркхардт и с чем согласился бы Л. Фейербах, только в партнерстве реализуется отношения «Я - Ты». Картина мира без чувственности настраивает человека количественно воспринимать действительность, так как лишь чувственное отношение друг к другу претендуют на качественное восприятие мира. Мы существуем во взаимодействии с миром и друг другом, и это взаимодействие является в своей основе не духовным, а чувственно-физиологическим.

Отношения между «Ты» и «Я» представляют собой непосредственно чувственный (эротический) изначальный феномен. Для Буркхардта «Ты» есть то, с кем я имею дело сейчас и здесь. «Ты» всегда единично. Уникальное «Я» узнает себя лишь потому, что есть другое «Ты».

Но в современных условиях человек рассматривается как изолированное эгоистическое существо, стремящееся лишь к удовлетворению своих интересов, при этом, любым путем. «Такая схема не дает гуманизму возможности понять чувственно-открытое бытия человека» [Там же. С. 136]. Появляется новый эгоист, который уже не верит в жизнь, а поклоняется системе и «золотым правилам успеха». Современная мораль выработала особое отношение к чувственности, а именно, независимо от истории и социального устройства общества чувственность вызывает у человека страх за самого себя. Человек, наученный, отождествляет себя лишь с «социальным человеком», забывает о своем чувственном начале.

Ограничения в эмоциях и желаниях порождает все большие и большие страхи, так как человек перестал отождествлять себя с телом, с природой, он заостряет внимание лишь на разуме. Человеку тяжело одновременно приспособиться как к потребностям тела, так и к потребностям разума. Под влиянием господства чуждого чувственности мышления связь людей с окружающей природой и животным миром стала в течение столетий такой непрочной, что у нас пропала охота радоваться от общения с тем, что называется природой; но человек без естественной окружающей среды вообще не может быть самим собой, «лишь в сфере чувственного взаимодействия со светом, воздухом, водой, землей и всем тем, что дает земля, может он найти, понять и выразить себя» [Там же. С. 140]. Только через

чувственную жизнь человек может самореализоваться. Саму жизнь и себя нельзя постичь, это можно лишь чувствовать. Человек забыл свою чувственную основу, он потерялся в своем собственном, но незнакомом ему мире. Человек рискует потерять все то, что способен дать ему мир через чувствительность: доверие, хорошее настроение.

Человек не научится понимать, что он не может жить одним лишь духом, или одной лишь материей, что, прежде всего, он живет чувственным взаимодействием со всем, что есть рядом с ним, над ним и под ним. Человек, подавляя в себе чувственное начало, не способен подавить в себе инстинкты, которые даны ему изначально от природы. Одним из таких проявлений инстинктов является агрессивность, которое сегодня, как злое наследство, сидит в крови у каждого человека. Преступлением XX века Буркхардт объясняет недоразвитие чувственности, ее закрепощенность и подавление.

Близкие идеи развивает К. Лоренц [Лоренц К. Агрессия. М., 1994]. Одним из грехов современного человека он называет «размягчение чувств», то есть, неумение радоваться и страдать, любить и переживать. А следовательно, в человеке остается только одна способность - это агрессивно реагировать на все, что окружает его каждый день.

Роль агрессии в социальной системе очень велика, так как она способствует упорядочению совместной жизни. Каждый из совместно живущих индивидов знает, кто сильнее его самого и кто слабее. Так, слабый без борьбы отступает перед более сильным. Вся эта система взаимоотношений, основанная на природном инстинкте, ведет иерархии. Благодаря этому избегается борьба между членами общества, и более жесткий отбор через войну трансформируется в отбор через конкуренцию. С этого начинается свою теорию агрессии К. Лоренц.

Человеческое общество стремится изолировать себя от природы, создавая свою искусственную среду. Если бесстрастно посмотреть на человека, каков он сегодня, то мы увидим, что в руках у него водородная бомба, подарок его собственного разума, а в душе не чувства, а инстинкт агрессии – это неизбежное наследство, с которым пока рассудок не может совладать. Агрессия стала симптомом современного упадка культуры, ибо человек рационализировал все сферы своего бытия, но полностью подавил в себе чувственное отношение к окружающему миру, то есть человек забыл про любовь. Человек репрессировал чувства, но на это место пришли инстинкты, которые стали опасны. Агрессия вызывается тем, что у человека недостаточно социальных контактов, а особенно, к числу сильных факторов относится то, что у человека недостаточно любви в жизни. Таким образом, человечество, изолировало себя от природного мира, стремясь усовершенствоваться, подавляя в себе чувственность. Но итог оказался плачевным, а именно, человек превратился не в «суперчеловека», а в «суперагрессивное» животное.

Накопление агрессии приводит человека в состояние общего и постоянного беспокойства и вынуждает его к поискам разрежающего стимула, который бы не повредил окружающим. Такими тормозящими стимулами является мораль, нравственность, закон, обычаи. В целом вырабатывается особый стереотип поведения для того, чтобы задерживать агрессию, либо выплескивать ее, строго нормировано и в определенном порядке. Чтобы соблюдать все эти правила необходимо «стадное объединение» - так называет Лоренц «группообразование».

Связи, соединяющие такую анонимную «группу», имеют совершенно иной характер, нежели личная дружба или семейные узы, которые придают прочность, стабильность и уверенность в том, что индивид действительно необходим данному обществу. Анонимное группообразование и личная дружба исключают друг друга, потому что последнее - как это ни странно - всегда связано с агрессивным поведением, так как человек в этих отношениях не стремится себя поставить в условные рамки морали. Мы пришли к выводу совершенно иного содержания, а именно, любовь в современном обществе порождает в человеке агрессию.

Почему, казалось бы, закрепощающее поведение, ограниченная свобода ведут к очеловечиванию, а свободное проявление своих эмоций способствует разрушению взаимоотношений. А ответ прост: все дело в том, что человек стремится в своей жизни разделить свое чувственное проявление на область «возвышенного» и «низменного». В обществе (в старообразном объединении) он запрещает себе «низменную» область любви, а «возвышенное» не стремится проявляться в отношении «Я - ТЫ».

Человек, разъединяя свою чувственность, стремясь ее контролировать, забывает о своих природных основах. Он делит любовь на духовную и плотскую, таким образом, человек загоняет себя в тупик. Современный индивид ставит четкие границы между личной и общественной жизнью. Теперь существуют деловые партнеры, с которыми прекрасно вместе работает, но и в голову не придет совместно пойти на прогулку или вообще как-то быть вместе, помимо работы. Либо мужчина и женщина совершенно не нуждаются друг в друге, если только им не приходится совместно заботиться о доме и детях. Любовь и ненависть у людей очень близко соседствуют, объект любви почти всегда «амбивалентно», бывает и объектом агрессии, такого мнение Лоренца; «внутривидовая агрессия без контр-партнера, без любви, бывает сколько угодно, но любви без агрессии не бывает» [Лоренц К. Агрессия. М., 1994. С. 215].

Ненависть - младшая сестра любви. Но ее необходимо четко отделять от внутривидовой агрессии. В отличие от обычной агрессии она бывает направлена на индивида. И отсюда любовь является предпосылкой ее появления.

По-настоящему ненавидеть можно, наверно, лишь то, что когда-то любил, и все еще любишь, хоть и отрицаешь это.

Но можно ли предотвратить те опасности, которые вырастают из человеческой агрессии? Человек слишком хочет видеть себя центром мироздания, чем-то таким, что по самой своей сути не принадлежит остальной природе, а противостоит ей как нечто иное и высшее. На сегодняшний день упорство в этом заблуждении слишком велико. Но что мешает людям прислушаться к себе и предотвратить беду?

Есть три препятствия тому, по мнению Лоренца. Все три из них устранимы у каждого разумного человека, но с ними справиться, пожалуй, трудно, так как все они неразрывно связаны и переплетены с тем человеческим пороком, который называется гордостью.

Первое препятствие самое примитивное. Оно мешает самопознанию человека тем, что запрещает ему увидеть историю собственного возникновения.

Эмоциональная окраска и упрямая сила такого запрета парадоксальным образом возникают из-за того, что мы очень похожи на наших ближайших родственников шимпанзе. Но все обезьяны - просто животные, и система происхождения людей построена совершенно на бессознательной теории.

Второе препятствие к самопознанию - это эмоциональная антипатия к признанию того, что наше поведение подчиняется закону естественной причинности. Это смутно похоже на клаустрофобию, чувство несвободы, которое наполняет многих людей при размышлении о всеобщей причинной предопределенности природных явлений. Это связано с их оправданной потребностью в свободе воли и со столь же оправданным желанием, чтобы их действия определялись не случайными причинами, а высокими целями.

Третье великое препятствие, по мнению Лоренца - это наследие идеалистической философии. Оно делит мир на две части: на мир вещей, который идеалистическое мышление считает в принципе индифферентным в отношении ценностей, и на мир человеческого внутреннего закона. Такое деление замечательно оправдывает эгоцентризм человека, оно идет навстречу его антипатии к собственной зависимости от законов природы - и потому нет ничего удивительного в том, что оно так глубоко вросло в общественное сознание.

Этот третий пункт действительно подтверждается, если внимательно рассмотреть две предыдущие главы этой работы, где мы анализировали труды Л. Фейербаха. Таким образом, мы можем сказать, что опасность для современного человека появляется не столько из его

способности властвовать над природой, физическими процессами, сколько из его неспособности разумно управлять процессами социальными. На сегодняшний день, человечество бессильно остановить патологическое разложение социальных структур, а это в значительной степени обусловлено тем обстоятельством, что собственное поведение высокомерно переоценивается.

Лоренц приходит к интересному выводу: во-первых, не нужно слишком большого оптимизма, чтобы предположить, что из нас, людей, может возникнуть нечто лучшее и высшее. Будучи далек от того, чтобы видеть в человеке подобие Божие, лучше которого ничего быть не может, он утверждает более скромный тезис. Ему кажется, что связующее звено между животным и подлинно человеческими людьми, которое долго ищут и никак не могут найти, - это сегодняшний человек!

Во-вторых, социальное поведение людей диктуется отнюдь не только разумом и культурной традицией, но по-прежнему подчиняется еще и тем закономерностям, которые присущи любому филогенетически возникшему поведению, так как люди, как и животные, социальны и миролюбивы внутри замкнутого клана, но сущие дьяволы по отношению к сородичу, не принадлежащему к их собственной «партии».

В-третьих, знание, выросшее из абстрактного мышления, изгнало человека из «рая», но дало человеку способность экспериментировать с окружающим миром и господствовать над всем живым, а мы уже знаем и видим, к чему это привело.

Абстрактное мышление дало человеку словесный язык и возможность передачи надындивидуального опыта, что привело к культурному развитию человечества, но это повлекло за собой настолько резкие изменения в условиях его жизни, что приспособительная способность его инстинктов потерпела крах.

Так получилось, что каждый дар, достигающийся человеку от его мышления, в принципе должен быть оплачен какой-то опасной бедой, которая неизбежно идет следом. Но человек не погиб в результате своих собственных открытий, - по крайней мере, до сих пор только потому, что способен поставить перед собой вопрос о последствиях своих поступков - и ответить на него. Этот уникальный дар не принес человечеству гарантий против самоуничтожения. Хотя со времени открытия камня и огня выросли и моральная ответственность, и вытекающие из нее запреты убийства, но, к сожалению, в равной мере возросла и легкость убийства, а главное - утонченная техника убийства привела к тому, что последствия деяния уже не тревожат того, кто его совершил. И мы снова пришли к тому, с чего начинали это повествование - все это происходит из-за отгораживания и подавления наших чувств. Инстинкты и агрессивность современного человека становятся нормой, так как он страдает от недостаточной разрядки инстинктивно-агрессивных побуждений.

Иными словами, естественные наклонности человека не так уж и дурны. От рождения человек вовсе не так уж плох, он только недостаточно хорош для требований жизни современного общества, так как слишком велика «скупенность» людей и поэтому возрастает готовность к агрессивному поведению. К этим нежелательным последствиям увеличения нашего сообщества добавляется, и невозможность разрядить весь объем агрессивных побуждений.

Чем больше развиваются цивилизации, тем менее благоприятны все предпосылки для нормальных проявлений нашей естественной склонности к социальному поведению, а требования к нему постоянно возрастают. Мы должны обращаться с нашими «ближними», как с лучшими друзьями, более того, с помощью своего разума мы можем прекрасно сознавать, что обязаны любить даже врагов наших, - естественные наклонности никогда бы нас до этого не довели. Все проповеди аскетизма, предостерегающие от того, чтобы отпускать узду инстинктивных побуждений, учение о первородном грехе, утверждающее, что человек от рождения порочен, - все это имеет общее рационально зерно.

Человек не смеет слепо следовать своим врожденным наклонностям, он должен учиться властвовать над ними и ответственно контролировать их проявления, а не подавлять все это в себе.